

ческими, тематическими, эмоциональными или еще какими-нибудь другими причинами. Но само наличие неких крайних вариантов (грамматического единства — грамматической разобщенности), между которыми делается выбор, представляется здесь бесспорным. Поэтому нам казалось бы более правильным все же признать существование в английском языке сложносочиненного предложения, которое, однако, легко может распастись на ряд самостоятельных, грамматически отграниченных друг от друга предложений. Или, подходя к этому явлению с другой стороны, ряд предложений, обладающих потенциальными данными для объединения в сложносочиненное предложение, может быть организован как таковое, хотя может быть организован и как ряд отдельных, самостоятельных предложений. Во всяком случае, мы имеем здесь дело с грамматической категорией, построенной как сложная система, с многочисленными переходными явлениями, вообще организованной по принципу поля, а не как четко отграниченное, поддающееся жестким определениям образование.

Спорной кажется также проводимая автором замена терминов «главное» и «подчиненное» предложение термином «предикативная единица». Правда, уже с давних пор указывалось на недопустимость обозначения одним термином как целого (сложное предложение), так и его частей (главное, подчиненное, сочи-

ненное предложение). Но эти части настолько тесно и полно связаны по своему строю (по своей принадлежности к логико-грамматическим типам предложения, по системе распространения своего состава и т. д.) с самостоятельным предложением, что их разлучение — даже терминологическое — представляется неправомерным. С другой стороны, термин «предикативная единица» обладает тем дефектом, что он чрезмерно сближает соответствующие виды предложений с двучастными оборотами, которые также строятся на предикативном отношении между своими частями и которые как раз в английском языке широко представлены. Нам все же представляется, что различие части и целого может быть терминологически выражено с помощью определений к необходимому здесь общему термину «предложение»².

Но в целом книга Л. Л. Иофик принадлежит к числу наиболее содержательных синтаксических работ, опубликованных у нас за последние годы, и будет с интересом прочитана отнюдь не только англичанами, но и всеми, кто работает над проблемами сложного предложения.

В. Г. Адмони.

² См.: В. Г. Адмони, Исторический синтаксис немецкого языка, М., 1963, стр. 19.

Н. М. Штейнберг. Редупликация в современном французском языке.— Л., изд-во ЛГУ, 1969. 70 стр.

Внимание Н. М. Штейнберг привлекла все возрастающая категория редуплицированных слов, которая становится одним из продуктивных способов словообразования в современном французском языке. Собрано 164 примера. Они классифицированы на следующие пять типов: 1) чистая, или абсолютная, слоговая редупликация (*lolo* «молоко»); 2) абсолютная редупликация значимых элементов (*soin-soin* «аккуратно одетый»); 3) чистая, «сложненная» редупликация — второй слог отличается от первого наличием конечного согласного (*bibine* «кабачок, закусовая, плохое пиво»); 4) частичная редупликация — трех- или четырехсложные слова с повторяющимся последним слогом: *rififi* «драка»; 5) частичная редупликация — сложные слова с изменением во втором компоненте: *zig-zag* «зиг-заг» — первоначально название детской игрушки (два плоских кусочка дерева, скрепленные в виде ромба, но подвижно).

Исследуется не только структура редупликативных образований, но и их функционирование в языке как словопонятий, не имеющих других наименований, как морфо-стилистических вариантов слов литературного языка, как ласкательных или экспрессивных слов и т. д. Редупликативные слова употребляются преимущественно как существительные, реже как прилагательные или наречия.

Для исследования привлекаются разные жанры — литературный язык, народно-разговорный язык, фамильярный стиль, арго. Не исследуется диалектная речь, хотя, как справедливо отмечает автор, в ней изучаемый тип слов имеет очень большое распространение. Ставится вопрос о звукоподражательном характере этих слов и об их мотивированности.

Аналогичная работа появляется впервые в истории французской лексиколо-

гив. А если учесть, что эта категория слов в индоевропейских языках вообще изучена весьма недостаточно, несмотря на то, что в ряде современных языков, как и во французском, наблюдается тенденция к ее расширению¹, то станет очевидным то значение, которое приобретает это тщательно проделанное исследование, интерес которого выходит за рамки изучения только французского языка.

Следует отметить, что некоторые примеры, обозначенные Н. М. Штейнберг как звукоподражательные, вряд ли можно считать чистой ономотопеей: *frou-frou* «шелест; шуршание», *glou-glou* «бульканье», бормотанье (индюка), *zèze-yeu* и его синонимы *zozoter* «сюсюкать; пепелявить» и др. *Bibi* означает в народно-разговорном языке «старомодная, смешная женская шляпка», а в воровском арго — «отмычка». Напомним, что в русском языке *би-би* в речи детей означает «машина» (*бибика* — большой автомобиль = «поезд»), в то время, как в ретороманском языке (швейцарский вариант) *bi-bil* относится к междометиям, выражающим кличи животных, и означает «цип-цип». Бесспорно, что в этих случаях речь не идет о собственно звукоподражательных словах, т. е. словах, представляющих собой примарно мотивированные знаки языка, звуковая форма которых подражает акустическим эффектам, производимым объектами номинации.

Существует довольно распространенное мнение о том, что следует различать собственно звукоподражательные слова и звукообразы или идеофоны². Эти кате-

гории особенно четко прослеживаются например, в африканских языках, но, по-видимому, они наблюдаются и в индоевропейских языках. Если в отношении африканских языков имеется большая литература об идеофонах, то в индоевропейских языках они не изучены вовсе, в связи с чем, как нам кажется, существование этой категории подвергается иногда сомнению. Представляется, что в индоевропейских языках, как и в африканских, при анализе звукоподражательных слов следует различать две категории. Материалы работы Н. М. Штейнберг дают немало примеров в пользу такого предположения. Так, многие примеры, собранные Н. М. Штейнберг, показывают, что ассоциация имеет место часто не в результате непосредственного влияния звуков, издаваемых объектами номинации. Она может быть в известной мере условной, символической, не обусловленной исторически. Таково придуманное слово *perlimpinpin*, в сочетании *poudre de perlimpinpin* «чудодейственный порошок; шаралатанское средство», или *nana* «лакомство», *gaga* «человек, впавший в детство» и др.

Как видно, в рецензируемой работе Н. М. Штейнберг поднимаются новые, очень интересные материалы для теоретических вопросов французской лексикологии, наряду с этим, эти материалы дают повод для размышлений над более общими вопросами о звукоподражательных словах и идеофонах.

М. А. Бородина

¹ См.: «Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака», Л., 1969.

² Согласно Б. В. Журковскому, идеофоны определяются как изобразитель-

ные слова с нулевой или аномальной морфологией, единообразно, но aberrационно оформленные фонологически [см.: Б. В. Журковск ий, Звуковая символика в идеофонах (на материале языка хауса и некоторых других африканских языков), сб. «Материалы...», стр. 54].